

Научная статья

УДК 821.161.1; 81'22

DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-316-336

**Псоглавцы в современной русской литературе:
между чудовищем и Христом**

Валерий Владимирович Мароши

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

maroshi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0024-9490>

Аннотация

Статья посвящена амбивалентности символики псоглавцев в современной русской литературе в контексте семиотики фронта. Анализируются произведения периода 2000–2010-х гг. М. Галиной, А. Иванова, В. Сорокина, М. Шишкина, М. Тихомирова и других авторов. Кинокефалы как персонажи значимы в современной русской фантастике в жанрах путешествия, хоррора, дистопии. Кинокефалы изначально связаны с ролью собаки как стража и богами, которые охраняли загробный мир. Они принадлежат к существам промежуточного типа между человеком и монстром, человеком и животным, демоническим и сакральным архетипами. Поэтому им часто сопутствуют персонажи-собаки, а их покровителем становится св. Христофор.

Ключевые слова

псоглавцы, монстр, св. Христофор, фронтир, фантастика, миксантропический, современная русская литература

Для цитирования

Мароши В. В. Псоглавцы в современной русской литературе: между чудовищем и Христом // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 316–336. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-316-336

© Мароши В. В., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 316–336

Critique and Semiotics, 2024, no. 1, pp. 316–336

The Dog-Heads in Modern Russian Literature: Between the Monster and Christ

Valerij V. Maroshi

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
maroshi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0024-9490>

Abstract

Cynocephali appear in ancient and medieval cosmographies, novels and travel stories. Legends about them have been preserved in the folklore of Eastern Europe. In Western cultural studies, they are studied as one of the embodiments of the Other. In Russia, religious and cultural interest in cynocephali is related to the unique iconographic image of St. Christopher the Dog-Headed. Since the late 2000s, cynocephali as characters and especially St. Christopher have firmly established themselves in Russian social and “sacred” fiction in the genres of travel, horror, and dystopia. The article analyses the works of M. Galina, A. Ivanov, V. Sorokin, M. Shishkin, M. Tikhomirov and other authors. Cynocephali were initially associated with the role of guardian dogs and the gods guarding the afterlife, and in modern literature dogs usually coexist with dog-heads. The cynocephalus is a character of the frontier, an outcast of the anthropocentric world, he is an intermediary or a guardian of the border. Cynocephali exist on the outskirts of civilization or at its critical points (villages, forests, wars, the destruction of the human genome). They are beings of an intermediate type between man and monster, man and animal, the demonic and the sacred. This corresponds to the multifaceted image of the cynocephali’s appearance and behavior (which ranges from demonic aggressiveness to creative activity and intellectualism) and the motif of a werewolf. St. Christopher is the cynocephali’s patron saint. His ekphrastic image in the form of an icon or a fresco is represented in most of the analysed works.

Keywords

cynocephali, monster, St. Christopher, frontier, fantasy, mixanthropic, modern Russian literature

For citation

Maroshi V. V. The Dog-Heads in Modern Russian Literature: Between the Monster and Christ. *Critique and Semiotics*, 2024, no. 1, pp. 316–336. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-316-336

Наше обращение к тематике псоглавцев обусловлено явной диспропорцией между стремительно увеличивающимся в последние десятилетия массивом текстов и контекстов в современной русской литературе, связанных с репрезентацией этих мифических существ и игнорированием их семиотики в отечественном литературоведении. Заметным исключением из этой асимметрии стало обилие литературно-критических рецензий на роман «Псоглавцы» (2011) А. Маврина (А. Иванова). В этом романе помимо прочих субжанров содержатся и пространные фрагменты навигации героя по Интернету в поисках информации о псоглавцах, перемежающиеся с событиями фабулы. Найденные им квазиисторические документы помогают понять тайну постоянного присутствия феномена псоглавцев в захиревшей деревне Калитино, бывшем раскольничьем ските. Поэтому, предложив читателю увлекательную интригу в жанре хоррора, А. Иванов вместе со своими персонажами выполнил почти исследовательское обобщение семиотики псоглавцев, а сам роман стал своего рода сверхтекстом, одновременно закрывшим и открывшим смысловые горизонты темы.

Сложившиеся в последние десятилетия в отечественной и западной традициях подходы к этим персонажам довольно сильно разнятся и потому дополняют друг друга. Советское, а затем и российское искусствоведение было сфокусировано на проблематике исторического бытования и соответствующего ей житийного контекста уникальной для православия иконы мученика Христофора-псоглавца, которая сохраняла свою каноничность вплоть до начала XIX в., а у российских старообрядцев и по сию пору его не утратила. Перечислим посвященные им исследования их в хронологическом порядке, обозначая для каждого автора лишь одну из статей: [Максимов, 1975; Снегирева, 1990; Чернова, 1999; Гувакова, 2004; Найденова, 2017; Шаров, 2020]¹. Разумеется, все вышеперечисленные авторы стараются подробно или кратко воссоздать мифологический и исторический контексты христианизации столь необычного святого. В 2000-х и 2010-х гг. появляются первые переводные и отечественные публикации, где разбираются не только исторические, но и фольклорные источники, повествующие собственно о псоглавцах: (см.: [Вуд, 2005; Белова, 2012; Петрухин, 2012; Коцуй, 2019]). Сразу отметим, что среди них нет собственно российских по генезису источников, они были распространены

---

¹ См. также: *Лунатова С. Н.* Святой мученик Христофор Песьеглавец: Иконография и почитание. URL: [http:// www.pravoslavie.ru/3304.html](http://www.pravoslavie.ru/3304.html) (дата обращения 13.01.2023).

в сообществах с более архаичной ментальностью, свойственной жителям современной Украины или, например, русским старообрядческим общинам в Восточной Европе.

На Западе исторические вариации образа псоглавцев рассматривают в гораздо более широкой проблематике образов Чужого и чудовищного в мифологии, антропологии, этнологии, социологии, политологии: [Friedman, 1981; White, 1991; Burke, 2004; Wood, 2010]. В том же ключе (см.: [Fraser, 2018; Rehn, 2016; Jokić, 2011; Kocój, 2013; Šešo, 2021; Коцуй, 2019]) анализируются и данные фольклора, современного или «архивного», прежде всего стран и локусов Восточной Европы, где рассказы и легенды о псоглавцах были наиболее распространены, а в замкнутых общинах, наподобие русских старообрядцев Румынии, бытуют и до сих пор.

Современные постмодернистские культурологи, в свою очередь, полагают, что эта «инаковость» / «чуждость» является и неотъемлемой, онтологической чертой самого образа человека, как, вероятно, и сакральное начало в нем, «образ и подобие Божие»: «...чудовищное произрастает из того, что мы неспособны избавиться от абсолютно чужого в нас – от объектно-субъектного (рисуя таковое в виде то дефектного человеческого тела; то смешанных натуроантропоморфных существ. < ...> у человека есть монструозная ипостась» [Смирнов, 1994, с. 334].

Неустраняемая двойственность символики псоглавцев обусловлена их миксантропической, гибридной природой «полулюдей», где на одном полюсе оказываются черты, свойственные животным, дикарям и демоническим чудовищам (большие размеры, огромная физическая сила, когти, наличие всего одного глаза, отсутствие членораздельной речи, каннибализм), а на другом – возможность относительной социализации и даже сакрализации (сопровождение ими апостолов, обращение и чудеса св. Христофора). Даже визуальные образы кинокефала на иконах св. Христофора противопоставлены, как это показал Е. Н. Максимов, более многочисленным изображениям демонов из Ада с собачьей головой [Максимов, 1975, с. 86]. Таким образом, псоглавец – это персонаж с пограничным статусом (что было предметом дискуссии еще в Средневековье) между демоном-монстром и святым, язычниками и Христом, зверем и человеком.

Как и другие Чужие, в пространственном измерении псоглавцы обитают на фронтире цивилизованного мира, на локальных границах распространения цивилизаций, конфессий и этносов. Это варвары, внешний вид и привычки которых чужды носителю цивилизации, будь то античный грек, житель императорского Китая или средневековой Европы. Их симво-

ликой наделялись малоизвестные и / или враждебные государства и социумы, иноконфессиональные и инациональные группы (мусульмане, иудеи, татары и др.). Этому отчасти способствовала не только их демонизация, но и архаичные религиозные представления о собаках как о «нечистых животных» (индуизм, иудаизм, ислам, христианство) и связанные с этим запреты и предписания, которые запрещали держать их внутри дома и уж тем более употреблять в пищу.

К сожалению, конфликты на постсоветском пространстве, процессы неархаизации и варваризации, инициируемые официальной пропагандой или манипуляцией социальными сетями, приводят к актуализации по крайней мере схожей териоморфной номинации в сфере инвективной лексики и фразеологии (например, «свинособаки» по отношению как к русским, так и к украинцам).

Во временном плане бытование псоглавцев в фольклорных преданиях, как правило, отнесено в отдаленное на несколько поколений прошлое. В самых замкнутых этнических сообществах сохраняется вера, что псоглавцы могут скрываться поблизости от людей в необжитом, диком пространстве леса, гор, пещер или пустошей, подтверждая свою репутацию представителей хтонического мира. Неслучайно, что в двух наиболее изобилующих персонажами-псоглавцами современных романах действие разворачивается в глухой украинской / русской деревне, граничащей с обширным лесом или заброшенными торфоразработками. Рядом с такой деревней располагалась когда-то лагерная зона или находится Зона выхода в иной мир. Предельная замкнутость такого пространства оборачивается зато возможностью провала в хоррор или переправы на тот свет. На этой границе героев и будут встречать или атаковать псоглавцы.

С другой стороны, как уже было сказано выше, псоглавцы потенциально несли в себе и сакральную символику, поскольку обладали явным внешним сходством с териоморфными египетскими богами, прежде всего собакоголовым или шакалоголовым Анубисом. Мифологические персонажи с собачьими чертами обычно охраняют вход в загробный мир или владения других персонажей мифов (Кербер, сочетающий признаки пса и змея, двухголовый Орф – пес со змеиным хвостом, который охранял стада Гериона). Собаки сопровождают Гекату, богиню преисподней, Яму, царя мертвых в индийской мифологии. Египетский же Анубис, считавшийся долгое время «Богом мертвых», охранял мумии от злых сил. Поэтому на дверях многочисленных гробниц изображалась лежащая черная собака, она и есть «охраняющий бог» (Ср. символику черной собаки в рас-

сказе «Веселый двор» И. Бунина, фильме «Сталкер» А. Тарковского.) После прихода Озириса Анубис играет роль уже подчиненного нового владельца мертвых: он взвешивает сердца на Суде мертвых.

Плутарх в трактате «Об Исиде и Осирисе» наиболее глубоко раскрывает пограничный статус Анубиса в египетской мифологии, сопоставимый с ролью античной Гекаты, мотивируя это его реальными «собачьими» свойствами: «И когда Нефтида родила Анубиса, Исида приняла его как своего ребенка; ибо Нефтида – это то, что под землей и невидимо, а Исида – то, что над землей и зримо. Соприкасающаяся же с ними и называемая горизонтом окружность, общая обеим, названа Анубисом и изображается в виде собаки, потому что собака равно владеет зрением и днем, и ночью. Египтяне полагают, что Анубис имеет ту же власть, что у эллинов имеет Геката, принадлежащая одновременно к числу преисподних и олимпийских божеств. Некоторые же считают, что Анубис – это Крон, потому что он всё рождает из себя и зачинает (“кюо”) в себе, за что и получил якобы прозвище собаки (“кюон”）」 [Плутарх, 1996, с. 21].

В Древнем Китае пес стал даже культурным героем для одного из южных субэтносов, хотя позднейшая молва приписывала псоглавцев к войску варваров-монголов. Мы имеем в виду собакоподобного варвара Пань-ху 盤瓠, легенда о котором была закреплена впервые в «Записках о поиске духов» Гань Бао (IV–V вв.). Этот пятицветный пес отчасти воплощает сюжет волшебной сказки: он принес в пасти императору / первопредку Ди Ку голову его главного врага Жун-У, за что получил в жены его младшую дочь, с которой он отправился в ущелье в диких горах и стал вести «варварский» образ жизни, породив шесть мальчиков и шесть девочек. Он считался культурным героем, изобретателем плуга и ткацкого станка среди южных варваров мань, которых более цивилизованные ханьцы прозывали «голозадыми» и «потомками Пань-ху». Несмотря на роль своего первопредка, его потомки «любят сидеть на корточках, любят свои горы и ненавидят столицу» [Гань Бао, 1994, с. 324].

В зафиксированных этнографами преданиях роль стража загробного мира, не допускающего туда человека преждевременно, выполняет и св. Христофор Псоглавец: «Св. Христофор Псоглавец в народных верованиях ассоциируется с защитником от преждевременной смерти, а изображенный с младенцем Христом на руках считается посредником между мирами – переносит душу умершего... на тот свет. Во многих регионах православного мира почиталась икона этого святого, изображенного в че-

ловческом облике или в образе псоглавца, перед ней зажигали свечи и молились, прося о помощи в час смерти» [Коцуй, 2019, с. 43].

В современной отечественной литературе псоглавцы – персонажи нарративов, ориентированных на сферу фантастического в широком смысле слова – поэтику гротеска, сюжеты мифов и легенд или метаистории. Так, в повести «Бессмертник» П. Крусанова (1998), само название которой задает мифогенную поэтику, жизнеописание героя развернуто в эпоху условного средиземноморского средневековья, не столько исторического, сколько мифического. В этом времени и пространстве возможны любые диковины и монстры:

Мерван Лукавый взялся образовывать Ворона в науках. Познания Мервана были велики: колдун рассказывал юноше о морской миноге четоче, которая одарена такою силой в зубах и мускулах, что способна остановить галеру, рассказывал об огромной птице Рух, кормящей птенцов слонами, о странах, где живут люди с собачьими и оленьими головами, люди без глаз и люди, которые полгода спят, а полгода живут свирепой жизнью, рассказывал о древнем Ганнибале, проделавшем проход сквозь Альпы при помощи укуса, и об Абу-Суфьяне, который, спасаясь от гнева ансаров, оборачивался гекконом [Крусанов, 2001, с. 12].

В таком мире снова воплощаются персонажи античных и восточных космографий, «Александрии», «Сказания об Индийском царстве».

В романе «Письмовник» (2010) М. Шишкина, состоящем, как обычно у этого писателя, из парафраз чужих текстов, написанных в разные эпохи, псоглавцы будут фигурировать и как диковинные персонажи, живущие на границах известного мира, и как чужаки, варвары, иностранцы, противостоящие «нормальной» цивилизации. В духе анахроничного нарратива приметы цивилизации XX в. в романе смешиваются со средневековой фантазией, летописи – с травелогами и военными корреспонденциями:

Ребята, будет трудно. И идти придется далеко, на край света. Туда даже Александр Македонский не добрался, дошел только до границы... А то, что прибыли на место, пойдем, как только увидим людей с песьими головами [Шишкин, 2010];

Приблизившись к острову, мы увидели разных редких животных и лесных людей без одежд. Дальше мы поплыли к острову, на котором уже обитают псоглавцы и обезьяны размером с годовалого теленка, где простояли пять месяцев за непогодю, мешала она нам плыть дальше. У здешних жителей и головы, и зубы, и глаза собачьи. Иноземцев, коли поймают, поедают [Там же];

Янгуйцзы, любезный читатель, – продолжал корреспондент в своей корреспонденции, – это нелюди, нехристи, псоглавцы. Мы. <...> Янгуйцзы нарушили всеобщую гармонию, ее нужно восстановить. Поэтому необходимо уничтожить янгуйцзы. Нас. Это мы – с песьими головами, это нас надо как бешеных собак. Это мы жить никому не даем [Шишкин, 2010].

Это, наверное, единственный русскоязычный роман, в котором мы находим как европейские, так и китайские представления о псоглавцах как радикально Чужих.

Собака в роли Анубиса – это не только охранник, но и проводник на тот свет. В романе писательницы-фантаста М. Галиной «Малая Глуша» (2008) функции проводников по загробному миру, охранников и спасителей персонажей, освобождающих их от ламий, и, наконец, их судей будут выполнять псоглавцы. Это собакоголовые гиганты с огромными когтями, как и во всех античных и средневековых космографиях, но они в романе справедливы и человечны, владеют речью и даже интересуются современным миром, хотя их представления о нем радикально отличны, а контакты с людьми остались, как и в фольклорных преданиях, в отдаленном прошлом:

А я люблю книжки о путешествиях. Я «Вокруг света» люблю читать. Только редко удается. У вас совершенно удивительные представления о природе Вселенной. Вообще обо всем. Мы своим детям рассказываем о вашем мире. Поразительный просто мир [Галина, 2008];

– Да, – сказал псоглавец. – Многие из нас тогда жили среди людей. Люди были терпимее. Они принимали чужих. Принимали мир таким, каков он есть. С чудесами. С диковинными тварями. С ангелами, чистящими небесный свод. А теперь рисуют совершенно ложную картину и верят в нее [Там же].

Однако парадоксально то, что, обитая в ином мире, псоглавцы, как и ведьмы, оказываются смертны: протагонист случайно убивает одного из них.

Примечательно, что в Малой Глуше, селе, локализованном где-то в украинском лесном захолустье накануне распада Советского Союза, на краю цивилизованного мира, герои еще до переправы в мир мертвых сталкиваются с самыми архаичными представлениями и поверьями: обитатели этого села ловят огненного змея, героя вынуждают вместо него исполнить ритуал совокупления с вдовой. Живые персонажи смешиваются с умершими (Анна Васильевна) уже на этом свете. Изображенный мир обладает мифическими чертами еще до пересечения границы между мирами живых

и мертвых и как бы находится вне истории, несмотря на явные детали позднесоветского времени.

Конечно, псоглавцы не единственные монстры, живущие на краю мира. Но наряду с версией их чудовищности или инаковости в литературе Нового времени можно встретить и более антропоцентричный вариант как самих псоглавцев, так и их «пограничной» роли. Так, например, название исторического романа Э. Ирасека «Псоглавцы» (1884), в котором изображены драматические события истории Чехии на рубеже XVII–XVIII вв., мотивировано тем, что герб с изображением песьей головы стал эмблемой «ходов», пограничной охраны западной границы Чешского королевства с XIII в. Этот роман даже упоминается в «Псоглавцах» А. Иванова: в ходе поисков информации о псоглавцах герой прежде всего натывается на информацию о нем в Интернете:

Оказывается, существовал даже знаменитый роман «Псоглавцы» чешского писателя Алоиса Йирасека. <...> Роман входил в золотой фонд исторической литературы. Оп-па. Ничего такого Кирилл не знал и кинулся искать пересказ содержания. <...> У этих «ходов» на флаге была изображена собачья голова, потому их и звали псоглавцами. Кирилл понял, что с этим романом он промахнулся мимо темы [Иванов, 2021, с. 76].

В романе самого Иванова один из персонажей возводит псоглавцев и к легендарным «песьим головам», которые приторачивали к седлу опричники Ивана Грозного. Таким образом, антропогенный «псоглавец» – это не демонический людоед, а человек-«пёс» на службе у власти, государства.

Хотя герой «Псоглавцев» Иванова склонен к мифогенным мотивировкам, он в финале романа находит универсальное объяснение как историческим легендам и документам, связанным с деревней Калитино, так и собственным галлюцинациям, а также опасным приключениям с псоглавцами, когда ими на несколько часов оборачиваются его московские спутники. Всё, что связывает воедино роли загадочных и страшных псоглавцев в разные исторические эпохи, – это функция стражников, охранителей:

– Псоглавец – пограничник. Он охраняет границы докусов. То есть поведенческих зон. Разных зон. Уголовного лагеря. Деревни Калитино. Раскольничьего скита. Или города Москвы <...> Псоглавец фиксирует не систему ценностей раскольников, а их поведенческую стратегию: покарать отступника. Это поведенческая стратегия сторожевой собаки – догнать и разорвать беглеца [Там же, с. 329].

Соответственно, их жертвы (старообрядцы, пытавшиеся покинуть скит и перейти в православие, зеки, Лиза и ее отец, сам Кирилл) – «нарушители норм своей культурной зоны» [Иванов, 2021, с. 329]. Итак, псоглавец, по Иванову, это персонаж социокультурного фронта.

Поэтому в деревне Калитино никто не держит собак, а наиболее агрессивные и криминализованные ее жители сами готовы стать оборотнями, в любой момент превратиться в псов на страже своей территории. Уже на подъезде к деревне в начале романа дэнжерологи встречают в лесу Лизу и двух собак, фантомы последних будут на протяжении всего сюжета мерещиться Кириллу. Опасный для участников дэнжерологический эксперимент в романе завершается констатацией в духе «лагерной прозы» «Верного Руслана» Г. Владимова: «...вы ушли из зоны, а за вами кинулись боги конвоя» [Там же, с. 330]. Так функции псоглавцев в социуме и культуре у А. Иванова предельно универсализуются в антропологическом ключе, лишаясь своей мифичности. Ужас, испытанный героем и его спутницей во время преследования оборотнями, галлюцинации наяву Кирилла остаются внутри тех фрагментов, которые выдержаны в поэтике жанра хоррора.

Как новый вариант «деревенской прозы» роман Иванова предельно расчеловечивает русский этнос, в его объективно наименее цивилизованном, сельском варианте. Однако стоит заметить, что именно московские интеллектуалы, спутники Кирилла по дэнжерологической экспедиции, зримо и страшно оборачиваются на несколько часов во время преследования протагониста реальными псоглавцами, теряя физические черты людей.

В большинстве разбираемых здесь произведений современной фантастики и даже в реалистической прозе присутствует св. Христофор как экфрастический образ. Это фреска из заброшенной церкви в романе А. Иванова, где он даже выходит за пределы изображения; домашняя икона в романах М. Галиной и В. Залотухи. Обычно он назван покровителем псоглавцев (кем он, разумеется, не являлся):

На второй иконе такую же ветвь сжимал в руках худой высокий человек с волчьей пастью и волчьими ушами [Галина, 2008];

– У Катерины в Малой Глуше. Икона. Святой Христофор. Он был псоглавец.

Он вспомнил изображение высокого воина с собачьей головой [Там же];

– Если держаться за мой посох – нет, – сказал он. – Только так и можно перейти эту реку. Я профессиональный перевозчик. Это у нас наследственное. Передается от отца к сыну.

– Правда? – спросил он из вежливости.
 – Мой предок носил на плечах Христа, – отвечал псоглавец. – На переправе [Галина, 2008].

В дистопии В. Сорокина, о которой будет сказано ниже, его поминают в типичном для этого автора глумливом контексте, за поеданием человеческой головы:

Ф о м а. Вы забыли помолиться святому Христофору.
 Р о м а н (с жадностью набрасывается на свою половину, грызет).
 М-м-м... в другой раз...
 Некоторое время едят молча.<...>
 Ф о м а. Надеюсь, это не цитата?
 Р о м а н. М-м-м... вкусно... слава Христофору, что вы не переварили эту голову... [Сорокин, 2013, с. 217].

В романе «Свечка» (2015) В. Залотухи в подобие иконы св. Христофора после перенесенной болезни превращается бывший священник-богатырь отец Мартирий:

...что делать с этим собакоголовым – даже Тяпкину, напрочь лишенному малейшего эстетического чувства, бросалось в глаза сходство больного Коромыслова с собакой неведомой породы, – держать его в больнице больше было нельзя, а девать некуда. <...> И вот однажды Марья Михайловна приносит на работу икону староверскую древнего письма и сообщает нашему герою с радостным облегчением:

– Вот, Христофор, где я видела тебя...

Но самой интересной его реакция была. Взял он ту икону двумя руками, как будто не дубовая она – крепкая, тяжелая, а стеклянная – хрупкая, невесомая, и, как тогда в больнице, в зеркало на себя нового посмотрев и себя нового увидев, замер, так и теперь – долго и изумленно всматривался в икону, словно в зеркале себя узнавая.

Была она, без сомнения, древняя и ценная, но Марья Михайловна с радостью ее Христофору вручила, вроде как почетную грамоту от коллектива, и в растерянной задумчивости он ее в каморку свою унес [Залотуха, 2019, с. 1239–1241].

Портретная метаморфоза отца Мартирия в иконописное подобие св. Христофора-псоглавца придает ему черты собаки и ангела одновременно:

...при этом сильно выдавшиеся вперед зубы посерели и поредели, нос расплющился, лоб пошел на скос, уши прижались к черепу, заострившись вверху, и, поросшие седым шершавым ворсом, казались чуть ли не собачьими... [Там же, с. 1239];

Взгляд о. Мартирия... был взглядом недавно народившегося земного ангела [Залотуха, 2019, с. 1239].

В «Псоглавцах» Иванова фреска св. Христофора обладает сакрально-стью не религиозного, а информационно-культурного плана: она как «сабджект» аккумулирует в себе энергию русской старообрядческой среды:

В материальном измерении культуру, то есть информацию, можно заархивировать, как файл с текстом в программе Word. И флэшкой, то есть хранителем файла, обычно является некий артефакт той самой заархивированной культуры. Скажем, фреска Псоглавца. <...> – Нынешняя российская деревня – не носитель культуры вообще. Агрессивная среда. Но в ней с прежних времён остались сабджекты. Ведь как стоял в Калитино храм с Псоглавцем, так и стоит. И его сабджект можно разархивировать. <...> Сабджект можно уподобить аккумулятору. В нём огромный заряд. Триста пятьдесят лет истории раскола и миллионы человеческих жизней – и всё в одном сабджекте [Иванов, 2021, с. 331].

В русской литературе XIX и начала XX в. собаки как персонажи используются в создании фона для гибридов человека и собаки, и, наоборот, в роли демонических двойников для диких людей-собак выступают уже псоглавцы («Собачье сердце», «Гроза»). Так и в «Псоглавцах» видения собак навязчиво преследуют героя. Однако позитивный антропоцентричный миф о «друге человека» в современной прозе побеждает. В финале романа «Малая Глуша», когда для героев проясняется невозможность воссоединения с умершими родственниками, именно собака остается верной своему хозяину, пересекая черту «того света»:

Собака, отбежав от своего седого хозяина, подскочила к нему и ткнула носом в колени. Он потрепал ее по голове, она махнула хвостом и вновь убежала, нарезая круги вокруг своего человека, которого находила всегда, как бы далеко от него ни убежала, которого нашла и здесь, за Рекой [Галина, 2008].

Постмодернистская идеология и футурология «постчеловечества», предполагающая размывание границ человека и его тела в сторону как кибермашины, так и зооморфных персонажей, влияет на современные литературные дистопии. В них репрезентированы картины будущего «постчеловеческого» мира, в котором гибрид, человека и животного воспринимается как «новая нормальность». В наш мир приходят монстры, как в стихотворении А. Василевского: «отец родился в восьмом году...» (2008), «...мир

слишком долго идёт к // концу // и если ему не помочь люди с пёсыми головами // успеют порыться в наших костях» [Василевский, 2015, с. 35].

Сравнительно свежая подобная дистопия в сатирическом модусе – рассказ М. Тихомирова «Национальная демография» (2014). В нем «движение модификаторов» уже разрушило генотип человека:

Вскоре неизменные человеческие тела стали редким явлением среди полчищ модификантов. Женщины-кошки, люди-пауки, кентавры и минотавры, русалки, грифоны и горгульи... Шагнув из глубин безудержной человеческой фантазии в реальный мир, совсем скоро они заполнили его, перестав удивлять друг друга и удивляться чему-либо вообще [Тихомиров, 2014, с. 129].

Действие рассказа происходит в городе Псовске, в котором псоглавцы составляют этническое большинство. Победившая в мире концепция разнообразия идентичностей и меньшинств уже кажется естественной:

Тадама, жившего в спальном пригороде Псовска и входившего, как и его жена, в одно из бесчисленных полирасовых псевдоменьшинств, происхождение названия приютившего его города никогда не удивляло. К засилью же во всех сферах жизни псоглавцев он относился совершенно спокойно. В наступившую эпоху всеобщей терпимости мирное сосуществование было совершенно естественным даже для кошек с собаками [Там же, с. 125].

Характерно, что в рассказе псоглавец выполняет роль курьера, который доставляет важнейший для героев эмбриологический материал, т. е. хотя и гротескную, но всё же «новую жизнь».

В романе Л. Горалик и С. Кузнецова «Нет» (2004), дистопии о порноиндустрии будущего глобализированного человечества, будущий мир без границ плотно заселен многочисленными миксантропическими персонажами. Эти зооморфы, или «морфы», как их называют в романе [Горалик, Кузнецов, 2018, с. 12], представлены «бобрусам», «волкусами», «левусами», «тигрусам», «кисусам», «миксусам», «зебрусам», да и антропоморфные персонажи имеют клички Лис, Волчек и т. п. Среди толп этих гибридов нет псоглавцев, по-видимому, слишком отягощенные своей архаичной мифогенностью, они бы затерялись в пестрой веренице подобных персонажей.

Один из частых мотивов современных дистопий – распад государств и война всех против всех. В процессе переформирования религиозных и политических идентичностей, разрушения устоявшихся границ и традиций появление псоглавцев в подобном жанре почти неизбежно, проблемой

для автора скорее становится способ их презентации – как отважных воинов, коими их представляли в античности и представляют сейчас в западной фантастике, или как уникальной особи вроде мученика Христофора, отринувшего своих звероподобных соплеменников. В. Сорокин в 22-й главе дистопии «Теллурия» (2013) выбирает необычное решение: он выстраивает комическую сцену диалога двух собакоголовых, которые, в духе «сорокинского» сюжетного каламбура, готовят на костре голову павшего воина-человека.

Как и в предшествующих дистопиях, их появление – результат «антропотехнического» эксперимента («С волками у Генинга ничего не вышло, а вот собаки оказались вполне антропогенным материалом» [Сорокин, 2013, с. 207]). Хотя сама сценка происходит «на границе между Тартарией и Башкирским царством» [Там же, с. 202], жертвы «антропокудесников», сбежавшие из крепостного театра графини Юсуповой, направляются в волшебную Теллурию, которая находится в глубине Сибири. В процессе пожирания головы они обнаруживают в ней теллутовый гвоздь.

Как и положено псоглавцам, они обладают двойственной природой: с одной стороны, они четырехпалы, обладают сильными когтями и склонны к поеданию падали, с другой – это беглые актеры, игравшие роли собак в спектаклях по мотивам литературных произведений. Они одеты как люди, философствуют, поют, сочиняют стихи, упоминают и цитируют в своих репликах и монологах Пушкина, Бодлера, Л. Гумилева, М. Светлова. Эти персонажи используют в своей затянувшейся дискуссии о поедании падали слова из дискурсивного обихода современного интеллектуала: «постщеник», «неогегельянец» «бестиализация», «опрощение», «психосома», «интеллигибельный» и пр.

Позиция философствующего Фомы состоит в том, чтобы настаивать в споре с Романом на необходимости варки добытой головы («Сырое и вареное» К. Леви-Стросса) и тем самым на своей культурной, человеческой ипостаси. Он проповедует и новый вариант ницшеанства, в котором сверхчеловеком станет зооморфное существо:

А коли мы антропогенны, или, как говорил ваш друг с ослиной головой, антрополояльны, да и создавали нас для высоких целей, так давайте им соответствовать, черт возьми! [Там же, с. 210];

А я стану новым Ницше, Ницше-2, возьму альпеншток и пойду в горы, выше, выше, выше, дабы встретить солнце нового тысячелетия. Тысячелетия Истины! Я скажу этому солнцу: «Свети для нас, светило нового смысла жизни!» Затем я войду в свою высокогорную избушку, сяду за письменный

стол, возьму ручку со стальным пером, обмакну ее в свою левую руку и своей кровью опишу нового, зооморфного Заратустру, которого так давно ждет духовно обнищавшее человечество [Сорокин, 2013, с. 215].

Собакоголовый Роман – поэт, который может говорить стихами, но, несмотря на это, он высказывается значительно резче и грубее Фомы, он предпочитает поедать падаль:

Я в очередной раз лишил вас возможности опуститься на четыре лапы. То есть провалиться в хтонический, звериный низ, вместо того чтобы двигаться, так сказать, вверх, *per aspera ad astra*, к телесному и духовному совершенству. Вы пишете прекрасные романтические стихи, слышите музыку сфер и пение ангелов. И при этом страстно жаждете нажраться падалью [Там же, с. 216].

Сорокин построил изображение двух псоглавцев на их внутреннем конфликте телесной и духовной раздвоенности, животной природы и человеческой культуры, но со стороны это выглядит комично, поскольку оба персонажа в результате дискутируют о типичных для мифических собакоголовых каннибальских наклонностях, запрещенных для нормального человека. Впрочем, в художественном мире сорокинской «антинормы» антропофагия представляет собой своего рода «новую нормальность», и в этом эпизоде автор ввел в обращение персонажей, для которых это вполне органично. Таким образом, монструозные творцы новой культуры – это не только постмодернистское обыгрывание популярной литературной и масскультурной мифологии, но и индексальный знак самого автора. Их молитва св. Христофору в этом эпизоде – дань формальности и ироничная аллюзия на рассмотренный нами выше культ мученика именно в отечественной прозе.

Итак, с конца 2000-х гг. псоглавцы как персонажи прочно обосновались в отечественной социальной и «сакральной» фантастике. Для последней, а также для сферы массовой визуальной культуры (комиксы, кино) это общемировой тренд. Следует признать, что, построив самое известное произведение о псоглавцах в поэтике хоррора и дегуманизовав жителей деревенской России, А. Иванов пошел навстречу не только идеологии российской либеральной элиты, но и глобальной массовой культуре западного типа. Особенностью русской литературы стало почти обязательное присутствие сакрального и уникального варианта псоглавца в виде почитаемого изображения св. Христофора или хотя бы упоминания о поклонении ему. Именно христианская, а в версии А. Иванова – даже старообрядческо-

охранительная ипостась такого Псоглавца преобладает над его монструозной сущностью. Даже В. Сорокин, пусть и в ироничном модусе, превратил псоглавцев-каннибалов в носителей высокой культуры и проповедников новой философии. Основная же роль как псоглавцев, так и их святого покровителя – это двусоставность, гибридность, контраст устрашающего внешнего и смиренного внутреннего. Псоглавец – персонаж фронта, географических и социальных маргиналий антропоцентричного мира, он посредник или охранник при пересечении границы как таковой.

Список литературы

Белова О. В. Псоглавцы: от книжных памятников к фольклорному нарративу // In Umbra. Демонология как семиотическая система: Альманах / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Центр типологии и семиотики фольклора; [сост. и отв. ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова]. М.: РГГУ, 2012. С. 379–387.

Василевский А. Это хорошо. М.: Воймега, 2015. 114 с.

Вуд И. Кинокефалы: кто они? // Древнейшие государства Восточной Европы: 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: Вост. лит., 2005. С. 13–35.

Галина М. Малая Глуша // Новый мир. 2008. № 12. URL:https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2008/12/malaya-glusha.html (дата обращения 13.02.2023).

Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Пер. Л. Н. Меньшикова. СПб., 1994. 375 с.

Горалик Л., Кузнецов С. Нет. М.: АСТ, 2018. 480 с.

Гувакова Е. В. Святой песьеголовец – абберрация, дань православной традиции или иконографический курьез?: Обзор икон св. мученика Христофора в собрании фонда Древнерусской живописи // Забелинские научные чтения – 2003. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры: Труды ГИМ. М., 2004. Вып. 143. С. 48–63.

Залотуха В. А. Свечка: В 2 т. М.: Время, 2019. Т. 2. 1696 с.

Иванов А. Псоглавцы. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 336 с.

Липатова С. Н. Святой мученик Христофор Песьеголовец: Иконография и почитание. URL: <http://www.pravoslavie.ru/3304.html> (дата обращения 13.01.2023).

Коцуй Э. Пугающие и... святые. Вера в псоглавцев в давней и современной традиции византийско-славянского пограничья // Уникальное и типичное в славянском фольклоре М.: РГГУ, 2019. С. 36–54.

Крусанов П. Бессмертник: Повесть, рассказы. СПб.: Амфора, 2001. 317 с.

Максимов Е. Н. Образ Христофора Кинокефала (опыт сравнительно-мифологического исследования) // Древний Восток. М.: Наука, 1975. Сб. 1. С. 76–89.

Найденова Д. В. Особенности почитания святого Христофора на Руси и иконография мученика в искусстве старообрядчества // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2017. № 7. С. 473–482.

Петрухин В. Я. Русь и песьеглавцы: мифологическое соседство и тождество // In Umbra. Демонология как семиотическая система: Альманах / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Центр типологии и семиотики фольклора; [сост. и отв. ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова]. М.: РГГУ, 2012. С. 367–379.

Плутарх. Исида и Осирис. Киев: Уцимм-пресс, 1996. 257 с.

Смирнов И. П. Психодиахронология. М.: НЛЮ, 1994. 353 с.

Снегирева Э. А. Образ святого Христофора: предания и действительность // Проблемы формирования и изучения музейной коллекции государственного музея истории религии. Л.: ГМИР, 1990. С. 47–81.

Сорокин В. Теллурия М.: АСТ: Согрус, 2013. 448 с.

Тихомиров М. Национальная демография // Новогодний Дозор: Лучшая фантастика – 2014. М.: АСТ, 2014. С. 123–152.

Чернова С. К. Образ св. Христофора в русской иконописной традиции // Традиции в контексте русской культуры. Череповец: ЧГУ, 1999. Вып. 6. С. 167–172.

Шаров К. С. Создание пограничного культурного кода в иконографии святых Георгия и Христофора как особый тип металингвистической христианской проповеди // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2020. № 63. С. 155–165.

Шушукин М. Письмовник // Знамя. 2010. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/7/pismovnik.html> (дата обращения 13.02.2023).

Burke P. Frontiers of the Monstrous: Perceiving National Characters in Early Modern Europe // Laura Lunger Knoppers and Joan B. Landers (eds.). Monstrous Bodies/Political Monstrosities in Early Modern Europe. Ithaca; New York: Cornell Uni. Press, 2004. P. 25–40.

Fraser L. Dogs, Gods, and Monsters: The Animal – Human Connection in Bakin’s Hakkenden, Folktales and Legends, and Two Contemporary Retellings // Japanese Studies. 2018. No. 38 (1). P. 103–123.

Friedman J. The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. Cambridge, Mass: Harvard Uni. Press, 1981. 268 p.

Jokić J. Демонско биће псоглав у усменој и писаној усмености рећи // Жива реч / Ed. by M. Detelić and S. Samardžija. Balkanološki Institut SANU, 2011. P. 257–269.

Kocój E. European Representations of Others: Reflecting on the Us and Them: An Intricate // History of Otherness Exhibition and Book. *Anthropos*. 2013. Vol. 108, no. 1. P. 273–277.

Rehn D. Going to the Dogs: The Foreign and Religious Other in German Renaissance Prints // *Otherness: Studies and Essays (Special Issue on Animal Alterity)*. 2016. No. 5 (2). P. 111–151.

Šešo L. Dog-headed Creatures as the Other: The Role of Monsters in the Construction of the Croatian Identity // [Sic]: *Otherness*. Year 11.06/2021. No. 2. DOI 10.15291/sic/2.11.lc

White D. Myths of the dog-man. Chicago: Uni. of Chicago Press, 1991. 334 p.

Wood I. Categorising the cynocephali // *Ego Trouble. Authors and Their Identities in the Early Middle Ages*. Wien: OAW, 2010. P. 125–136.

References

Belova O. V. Psoglavtsy: ot knizhny'kh pamyatnikov k fol'klornomu narrativu [Cynocephaly: from literary to folklore narrative]. In: *In Umbra. Demonologiya kak semioticheskaya sistema [In Umbra. Demonology as a semiotic system]*. An almanac. Moscow, RSHU Press, 2012, pp. 379–387. (in Russ.)

Burke P. Frontiers of the Monstrous: Perceiving National Characters in Early Modern Europe. In: Laura Lunger Knoppers and Joan B. Landers (eds.). *Monstrous Bodies/Political Monstrosities in Early Modern Europe*. Ithaca, New York, Cornell Uni. Press, 2004, pp. 25–40.

Chernova S. K. Obraz sv. Xristofora v russkoi ikonopisnoi traditsii [The image of St. Christopher in the Russian iconographic tradition]. In: *Traditsii v kontekste russkoi kul'tury [Traditions in the context of Russian culture]*. Cherepovets, ChSU Press, 1999, iss. 6, pp. 167–172. (in Russ.)

Fraser L. Dogs, Gods, and Monsters: The Animal – Human Connection in Bakin's Hakkenden, Folktales and Legends, and Two Contemporary Retellings. *Japanese Studies*, 2018, vol. 38, no. 1, pp. 103–123.

Friedman J. *The Monstrous Races in Medieval Art and Thought*. Cambridge, Mass, Harvard Uni. Press, 1981, 268 p.

Galina M. Malaya Glusha. *Novyi mir*, 2008, no. 12. (in Russ.) URL: https://magazines.gorky.media/novy_i_mi/2008/12/malaya-glusha.html (accessed: 13.01.2023).

Gan Bao. *Zapiski o poiskax duxov (Sou shen czzi) [Notes on the search for spirits]*. Transl. L. N. Menshikova. St. Petersburg, 1994, 375 p. (in Russ.)

Goralik L., Kuznetsov S. *Net [No]*. Moscow, AST, 2018, 480 p. (in Russ.)

Guvakova E. V. *Svyatoi pes'egolovets – aberratsiya, dan' pravoslavnoi traditsii ili ikonograficheskii kur'ez?: Obzor ikon sv. muchenika Xristofora v sobranii fonda Drevnerusskoi zhivopisi [Saint Pesyegolovets – an aberration, a tribute to the Orthodox tradition or an iconographic curiosity?: An overview of the icons of St. Christopher the Martyr in the collection of the Fund of Ancient Russian Painting]*. In: *Zabelinskie nauchnye chteniya God 2003-i. Istoricheskii muzei – entsiklopediya otechestvennoi istorii i kul'tury: Trudy GIM [Zabelin scientific readings]*. Moscow, 2004, iss. 143, pp. 48–63. (in Russ.)

Ivanov A. *Psoglavtsy [Cynocephaly]*. Moscow, Alpina non-fikshn, 2021, 336 p. (in Russ.)

Jokić J. Demonsko bihe psoglav u usmenoj i pisanoj usmenosti rehi. In: *Detelić M., Samardžija S. (eds.). Zhiva rech. Balkanološki Institut SANU, 2011, pp. 257–269.*

Kocój E. European Representations of Others: Reflecting on the Us and Them: An Intricate. *History of Otherness Exhibition and Book. Anthropos*, 2013, vol. 108, no. 1, pp. 273–277.

Kotsui E. *Pugayushchie i... svyatye. Vera v psoglavtsev v davnei i sovremennoi traditsii vizantiisko-slavyanskogo pograničiya [Frightening and... holy. Belief in the Cynocephaly in the long-standing and modern tradition of the Byzantine-Slavic borderland]*. In: *Unikal'noe i tipichnoe v slavyanskom fol'klore [Unique and typical in Slavic folklore]*. Moscow, RSHU Press, 2019, pp. 36–54. (in Russ.)

Krusanov P. *Bessmertnik: Povest', rasskazy [Immortelle: A tale, stories]*. St. Petersburg, Amfora, 2001, 317 p. (in Russ.)

Lipatova S. N. *Svyatoi muchenik Khristofor Pes'eglavets: Ikonografiya i pochitanie [The Holy Martyr Christopher Pesieglavets: Iconography and veneration]*. (in Russ.) URL: <http://www.pravoslavie.ru/3304.html> (accessed: 13.01.2023).

Maksimov E. N. *Obraz Khristofora Kinokefala (opyt sravnitel'no-mifologicheskogo issledovaniya) [The image of Christopher the Kinocephalus (the experience of comparative mythological research)]*. In: *Drevnii Vostok [The Ancient East]*. Moscow, Nauka, 1975, iss. 1, pp. 76–89. (in Russ.)

Naidenova D. V. Osobennosti pochitaniya svyatogo Khristofora na Rusi i ikonografiya muchenika v iskusstve staroobryadchestva [Features of the veneration of St. Christopher in Russia and the iconography of the martyr in the art of the Old Believers]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva [Actual problems of the theory and history of art]*, 2017, no. 7, pp. 473–482. (in Russ.)

Petrukhin V. Ya. Rus' i pes'eglavtsy: mifologicheskoe sosedstvo i tozhdestvo [Rus and the Pesieglavians: mythological neighborhood and identity]. In: Antonov D. I., Khristoforova O. B. (eds.). *In Umbra. Demonologiya kak semioticheskaya sistema [In Umbra. Demonology as a semiotic system]*. An almanac. Moscow, RSHU Press, 2012, pp. 367–379. (in Russ.)

Plutarx. Isida i Osiris. Kiev, Utsimm-press, 1996, 257 p. (in Russ.)

Rehn D. Going to the Dogs: The Foreign and Religious Other in German Renaissance Prints. *Otherness: Studies and Essays (Special Issue on Animal Alterity)*, 2016, no. 5 (2), pp. 111–151.

Šešo L. Dog-headed Creatures as the Other: The Role of Monsters in the Construction of the Croatian Identity. *[Sic]: Otherness*, Year 11.06/2021, no. 2. DOI 10.15291/sic/2.11.lc

Smirnov I. P. Psikhodiakhronologika [Psychodiachronologika]. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 1994, 353 p. (in Russ.)

Snegireva E. A. Obraz svyatogo Khristofora: predaniya i deistvitel'nost' [The image of St. Christopher: traditions and reality]. In: *Problemy formirovaniya i izucheniya muzeinoi kolleksii gosudarstvennogo muzeya istorii religii [Problems of formation and study of the museum collection of the State Museum of the History of Religion]*. Leningrad, GMIR, 1990, pp. 47–81. (in Russ.)

Sorokin V. Telluriya [Telluriya]. Moscow, AST: Corpus, 2013, 448 p. (in Russ.)

Sharov K. S. Sozdanie pogranichnogo kul'turnogo koda v ikonografii svyatykh Georgiya i Khristofora kak osobyi tip metalingvisticheskoi khristianskoi propovedi [The creation of a borderline cultural code in the iconography of Saints George and Christopher as a special type of metalinguistic Christian preaching]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, no. 63, pp. 155–165. (in Russ.)

Shishkin M. Pis'movnik [Book of Letter Writing]. *Znamya*, 2010, no. 7. (in Russ.) URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/7/pismovnik.html> (accessed: 13.01.2023).

Tikhomirov M. Natsional'naya demografiya [National demographics]. In: *Novogodnii Dozor: Luchshaya fantastika – 2014*. Moscow, AST, 2014, pp. 123–152. (in Russ.)

Vasilevsky A. Eto khorosho [It's good]. Moscow, Voimega, 2015, 114 p. (in Russ.)

Vud I. Kinokefaly: kto oni? [Kinocephaly: who are they?]. In: Dzhakson T. N. (ed.). Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2003 god. Mnimye real'nosti v antichnykh i srednevekovykh tekstax [The oldest States of Eastern Europe: 2003. Imaginary realities in ancient and medieval texts]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2005, pp. 13–35. (in Russ.)

White D. Myths of the dog-man. Chicago, Uni. of Chicago Press, 1991, 334 p.

Wood I. Categorising the cynocephali. In: Ego Trouble. Authors and Their Identities in the Early Middle Ages. Wien, OAW, 2010, pp. 125–136.

Zalotukha V. A. Svechka [Candle]. In 2 vols. Moscow, Vremya, 2019, vol. 2, 1696 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Валерий Владимирович Мароши, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Valerij V. Maroshi, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024
The article was submitted on 01.03.2024;
approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024*